

Кавелин Константин Дмитриевич

Задачи психологии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Дмитриевич К.**
Задачи психологии / Кавелин Константин Дмитриевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 247 с.

ISBN 978-5-519-87501-1

ISBN 978-5-519-87501-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

Тимоея Николаевича

Грановскаго

Позволяю себѣ посвятить эту книжку дорогой памяти одного изъ благороднѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ людей. Вопросы, которыхъ я касаюсь, глубоко его занимали. Утѣшаюсь мыслью, что основные мотивы, цѣли, идеи работы заслужили бы сочувствіе покойнаго Т. Н. Грановскаго и были бы имъ одобрены.

Въ 1847 году, въ очеркѣ юридическаго быта древней Россіи, я указывалъ на юридическое и политическое ничтожество у насъ личности. Черезъ двадцать пять лѣтъ возвращаюсь опять къ той же темѣ — указываю на нравственное ничтожество у насъ личности и стараюсь объяснить коренную причину этого явленія, именно ошибочное пониманіе психической жизни и ея значенія посреди окружающаго матеріальнаго міра.

Представляя теперь свою книгу на судъ читателей, считаю обязанностью сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ она произошла.

Что въ психологіи лежитъ ключъ ко всей области знанія, — эта мысль уяснилась мнѣ исподоволь, вслѣдствіе занятій юридическими и политическими науками, исторіей, философіей и народными вѣрованіями.

Первый опытъ изложить на бумагѣ рѣшеніе психологическихъ вопросовъ, на которые мнѣ нигдѣ не случилось встрѣтить вполне для меня удовлетворительнаго отвѣта, былъ, по приговору нѣкоторыхъ моихъ друзей, такъ неудаченъ, что я не рѣшился его напечатать.

Въ 1862 году, лѣтъ десять тому назадъ, мысли о психологіи на столько во мнѣ выспелись и созрѣли, что я снова принялся за работу. Она занимала меня, правда, съ большими промежутками, до осени прошлаго года. Тогда я ее кончилъ. Много положилъ я на нее силъ, много она меня радовала и заботила. Съ нею я свылся и состарѣлся, какъ съ лучшимъ другомъ. Дурная наша привычка думать съ перомъ въ рукѣ заставила потратить много труда и времени даромъ, въ безпрестанной переработкѣ, по многу разъ, каждой главы, даже каждой мысли.

Въ прошломъ и въ предпрошломъ годахъ я читалъ первыя главы издаваемой теперь книжки нѣсколькимъ изъ моихъ ближайшихъ друзей. Ихъ отзывы ободрили меня и послужили

мнѣ въ пользу. Особенно благотворно было для меня дружеское участіе директора второй Петербургской военной гимназіи, Григорья Григорьевича Даниловича. Основные мысли настоящей работы сложились посреди частыхъ, продолжительныхъ съ нимъ бесѣдъ о психологическихъ предметахъ, и получили окончательную форму подъ сильнымъ вліяніемъ его замѣчаній и возраженій, всегда меткихъ, тонкихъ и значительныхъ. Когда книжка была написана, Г. Г. Даниловичъ принялъ на себя трудъ внимательно ее прочесть и указать на тѣ мѣста, въ которыхъ верались очевидныя ошибки, или которыя невѣрно или неточно передавали мои мысли. Благодаря этому, многіе промахи, недомолвки, неясности могли быть исправлены еще въ рукописи, многія оговорки могли быть включены гдѣ слѣдуетъ, до ея напечатанія.

Читая эту работу, всякій, съ первыхъ же страницъ увидитъ, что она — не ученый трактатъ, не опытъ новой философіи, а приведенныя въ порядокъ, связно изложенныя психологическія замѣтки, мысли и наблюденія. Въ нихъ я дѣлюсь съ другими тѣмъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ, занимающихъ каждого мыслящаго человѣка, до котораго я дошелъ для самого себя. Еслибъ всѣ поступали также, то философскіе предметы и такъ называемое отвлеченное знаніе, которое намъ кажется такимъ далекимъ и недоступнымъ, скоро вошли бы въ общій оборотъ, а это принесло бы, во всѣхъ отношеніяхъ, несомнѣнную пользу. Мы тогда скоро бы выбрались изъ тумана, въ которомъ расплываемся, нѣжимся и — бездѣйствуемъ. Мысль нельзя изложить на бумагѣ, не обдумавъ и не уяснивъ ее, а мы сильно страдаемъ неясностью, необдуманностью нашихъ мыслей, близко граничащими съ безмысліемъ.

Въ заключеніе, прошу читателей, какого бы они ни были направленія, къ какому бы ни принадлежали лагерю, принять эту книжку также чистосердечно, безъ заднихъ мыслей, какъ я ее писалъ. Ожидаю замѣчаній и возраженій и убѣдительно о нихъ прошу всѣхъ, сочувствующихъ и несочувствующихъ. Какія бы ни были замѣчанія и возраженія, дружескія или враждебныя, на письмѣ, на словахъ или въ печати, я буду радъ всѣмъ, всѣ приму съ глубокой, искренней благодарностью и непремѣнно ими воспользуюсь, или въ особой статьѣ, или при второмъ изданіи этой книжки, если мнѣ суждено дожить до ея новаго изданія.

С.-Петербургъ,
31 января 1872 года.

К. К.

I.

Практическое направлѣніе нашего времени не удовлетворяетъ людей.—Упадокъ индивидуальнаго начала и нравственной личности.—Эти явленія ошибочно приписываются естественнымъ наукамъ.—Необходимость изслѣдовать психическія явленія при помощи положительнаго метода.

Уже давно всѣмъ повторяется, что наше время есть по преимуществу положительное и критическое. Каждый спѣшитъ, какъ можно скорѣе, распрощаться съ идеальными стремленіями и требованіями и приспособиться къ какому-нибудь практическому дѣлу. Новѣйшія поколѣнія едва знакомы съ идеализмомъ, да и то больше по одному имени.

То же самое видимъ и въ наукѣ. И ей наскучило витать въ идеалахъ, уходить въ отвлеченности. Почва реальныхъ фактовъ кажется ей надежнѣй; на этой почвѣ труднѣй сбиться съ пути, легче найтись; на ней удобнѣе достигаются результаты труда и исслѣдѣній; къ тому же они ближе къ дѣлу, осязательнѣй, полнѣй и примѣнимѣй. Не зарываясь въ глубь, въ поискахъ за общими началами, къ которымъ сводится разнообразіе реальныхъ явленій, наука отдалась всецѣло изученію положительныхъ данныхъ, и блистательные результаты, полученные вслѣдствіе того по всѣмъ отраслямъ знанія, съ очевидностью доказали, какъ вѣрно избранъ путь и сколько предстояло на немъ дѣла. Факты, переработанные и рассмотрѣнные со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, получили новый видъ; реальная почва науки, узнанная полнѣе, точнѣе и лучше, переродилась на нашей памяти; съ тѣмъ вмѣстѣ расширился и просвѣтлѣлъ кругозоръ науки. Сколько отъ этого выиграли полезныя, прикладныя знанія, а чрезъ нихъ практическая, ежедневная жизнь, — объ этомъ и говорить нечего: безчисленныя тому доказательства у каждаго передъ глазами. Очень понятно, почему современные люди самодовольно,

свысока смотреть на доброе старое время, когда их недавніе предки жили идеалами, вращались въ отвлеченностяхъ и на нихъ преимущественно сосредоточивали свои умственные силы и нравственные интересы. Между прежними, скромными зачатками знанія и тѣми неистощимыми научными средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, разница громаднѣе! Едва вѣрится, что между тогдашними людьми и теперешними прошли не вѣка, а одно-два поколѣнія.

А между тѣмъ, несмотря на эти успѣхи и на кипучую практическую дѣятельность, какой-то червь точитъ душу современнаго человѣка. При умственномъ богатствѣ, онъ чувствуетъ нравственную пустоту, ему не по себѣ. Теперешнее недовольство человѣка собою и окружающимъ — не прежнее, сознательное, дѣятельное и энергическое, которое отчетливо формулировало зло и средства какъ его исправить. Современный человѣкъ исполненъ сомнѣніи и раздумья; онъ скучаетъ, самъ хорошенько не зная отъ чего; не вѣря въ возможность выхода изъ такого состоянія, онъ старается развлечься и забыться. Утонченная испорченность, отсутствіе идеаловъ, равнодушіе къ добру и злу и нравственнымъ благамъ, предпочтеніе внѣшнихъ мотивовъ внутреннимъ, безразборчивый реализмъ, — всѣ эти черты давно уже служатъ характеристикою теперешняго общества и составляютъ обычную тему различныхъ нападокъ на современность.

Откуда это тоскливое, безплодное недовольство, гдѣ источники усиливающагося нравственнаго растлѣнія? Въ двухъ словахъ не разрѣшить этихъ вопросовъ; но съ перваго же взгляда бросается въ глаза, что личная, индивидуальная жизнь какъ-то поблекла, что лицо утратило свое нравственное достоинство и безотносительную цѣну, что оно стало какой-то безразличной единицей въ общемъ итогѣ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ, на которомъ теперь сосредоточено все вниманіе и весь интересъ. Весь интересъ мысли перенесенъ въ наше время съ индивидуальности на общество; лицо отодвинуто съ перваго плана на послѣдній, не вѣрять въ себя, само смотреть на себя только какъ на зависимую часть цѣлаго, мѣрять себя только тою мѣркою, какую даетъ общественная жизнь и дѣятельность. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ ничего, самъ по себѣ, не стоитъ; для его внутренней жизни и дѣятельности нѣтъ самостоятельнаго критерія, потому что эта жизнь и эта дѣятельность, независимо отъ общественной среды, ни во что не цѣнятся. И какъ безсодержательна, блѣдна, неинтересна внутренняя жизнь современнаго человѣка! Въ ней нѣтъ больше

сюжета ни для трагедіи, ни для драмы; скоро, кажется, не будет — даже и для водевиля!

Припущеніе, умаленіе нравственнаго характера лица, его возрастающее ничтожество идутъ рука объ руку съ современными воззрѣніями, и нѣтъ сомнѣнія, что между тѣмъ и другимъ существуетъ тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить, что характеръ и направленіе современныхъ воззрѣній не только выражаютъ ничтожество лица, но и возводятъ его въ принципъ, въ теорію. Укажемъ въ подтвержденіе этой мысли на нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся факты.

Нравственный характеръ и достоинство лица немислимы безъ твердыхъ, непреложныхъ нравственныхъ правилъ или началъ; безъ нихъ человѣкъ дѣлается игрушкой обстоятельствъ и случайностей и перестаетъ что-нибудь значить въ смыслѣ нравственной личности. Но такіа начала или правила даетъ, кромѣ религіи, только философія, каково бы ни было ея направленіе и ея выводы. Предпосылка всякой философской системы есть безусловная истина, а живой, глубокій интересъ каждаго философскаго ученія состоитъ въ опредѣленіи какъ человѣкъ къ ней относится.

Что же мы видимъ въ наше время? Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ ней глумятся. Она рѣшительно никому не нужна. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что это направленіе умовъ пройдетъ, что философія снова войдетъ въ честь, когда положительныя науки вполне выработаются. Трудно предсказывать будущее, но судя по признакамъ, мало на это надежды. Всего хуже то, что мы теперь видимъ не борьбу противъ той или другой философской доктрины, а совершенное равнодушіе къ самой философіи. Недостаточность положительнаго знанія никогда не мѣшала живому интересу къ философскимъ вопросамъ. Когда же люди знали столько, сколько теперь? однако философія процвѣтала и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ; теперь же никто не даетъ себѣ даже труда ее опровергать или доказывать несостоятельность и вообще невозможность философской точки зрѣнія вообще. Философія до сихъ поръ не опровергнута въ своихъ началахъ, а просто отброшена, какъ ненужная вещь. Упадокъ ея не есть научный выводъ, а признакъ глубокой перемѣны въ направленіи и строѣ мыслей.

Въ такой же опалѣ, какъ философія, находится и единственное ея орудіе, — умозрѣніе. Мы систематически пренебрегаемъ умозрѣніемъ, пытаемъ къ нему полное недовѣріе. Умозрѣніе въ наши дни чуть-чуть не бранное слово. Чтобы лишить какой-нибудь выводъ всякаго довѣрія, возбудить противъ него

всевозможныя предубѣжденія, стѣить только назвать его умо-зрительнымъ,—и дѣло сдѣлано, цѣль достигнута.

Отчего же это? Казалось бы, что-жъ такого подозрительнаго въ умозрѣннѣ? Оно—одинъ изъ способовъ узнавать неизвѣстное, когда положительное изслѣдованіе фактовъ становится невозможнымъ, потому ли что ихъ недостаетъ, или потому, что они недоступны для изслѣдованія. Всякой выводъ и заключеніе, всякая гипотеза и наведеніе (индукція) есть умозрѣніе. Даже дважды два четыре есть умозрѣніе, потому что мы выдаемъ этотъ выводъ за аксіому, не провѣривъ результатовъ всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ случаевъ помноженія двухъ на два. По той же причинѣ умозрительными надо признать и положеніе, что человѣкъ смертенъ, и теоріи свѣта, и гипотезы образованія земли, и Дарвинову теорію происхожденія видовъ. Безъ умозрѣнія шагу нельзя ступить, даже въ естественныхъ наукахъ; но оно, разумѣется, можетъ быть правильно, или ошибочно и ложно, смотря по тому, противурѣчить ли фактамъ, которые должно объяснить, или согласно съ ними и на нихъ основано. Вообще, всякая теорія по существу своему умозрительна, ибо опредѣляетъ начала, причины цѣлаго ряда явленій, неподлежація внѣшнимъ чувствамъ, а слѣд., и фактическому изслѣдованію. Вся сила въ томъ, соотвѣтствуетъ ли умозрѣніе фактамъ или нѣтъ, и потому слѣдовало бы отвергать только такое или другое примѣненіе умозрѣнія, а не само умозрѣніе, въ принципѣ. Мы же поступаемъ иначе. Въ области наукъ естественныхъ и такъ-называемыхъ положительныхъ мы допускаемъ самое широкое примѣненіе умозрѣнія; но какъ только дѣло коснется нравственныхъ условий и двигателей индивидуальной, личной жизни и дѣятельности, мы безусловно отвергаемъ умозрѣніе. Почему бы, казалось, не допустить полной равноправности фактовъ психическихъ съ реальными, и одинаковое примѣненіе къ тѣмъ и другимъ одинаковыхъ научныхъ приемовъ? Отвѣтъ заключается въ цѣломъ строѣ современной мысли. Отвергая умозрѣніе, мы, большею частью безсознательно, отрицаемъ собственно не его, а цѣлый рядъ психическихъ фактовъ, на которыхъ держится индивидуальная жизнь. Предубѣжденія наши, съ виду направленные противъ пустыхъ фантазій и злоупотребленій отвлеченной мысли, противурѣчащей фактамъ, на самомъ дѣлѣ относятся не къ нимъ, а къ психической жизни. Нечего удивляться, что мы съ неподражаемымъ искусствомъ, съ удивительною тонкостью изслѣдуемъ не одну природу, но и произведенія умственной и нравственной жизни и дѣятельности человѣка, — вѣрованія и культы, художественныя созданія, языкъ, политическую и граж-

данскую жизнь, развитие науки и философии, — въ прошедшемъ и настоящемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ; а то, что произвело эти явленія и факты, именно сама психическая жизнь, чловѣка, остается въ тѣни, или объясняется исключительно одними матеріальными фактами. Въ видѣ опроверженія намъ укажутъ на тысячи изслѣдованій, посвященныхъ изслѣдованію психическихъ явленій. Но эти превосходные, образцовые въ своемъ родѣ труды, не опровергаютъ, а напротивъ подтверждаютъ нашу мысль. Всѣ психологическія изслѣдованія нашего времени, имѣющія научное достоинство, ограничиваются разъясненіемъ, физиологическихъ условій психической жизни. Устройство и отправленія органовъ внѣшнихъ чувствъ, физическія ощущенія тѣла, доходящія до сознанія помимо органовъ внѣшнихъ чувствъ, устройство и отправленія нервной и мозговой системъ, — вотъ что въ наше время исключительно занимаетъ изслѣдователей. Ученныя заслуги ихъ безспорны. Они готовятъ богатый матеріалъ для психологіи, но называть ихъ изслѣдователями психической жизни нельзя. Мозгъ и нервы составляютъ только ея физическое условіе; внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія тѣла только возбуждаютъ психическую дѣятельность; но въ чемъ состоитъ эта жизнь, какіе законы этой дѣятельности — вотъ чѣмъ современная наука мало интересуется, тогда какъ для психологіи имѣетъ величайшую важность не физиологическая сторона психическихъ отправленій, сама по себѣ, а соотвѣтствіе между физиологическими и психическими явленіями. Такое соотвѣтствіе несомнѣнно существуетъ, и современемъ наука конечно его откроетъ и объяснитъ. Но для этого необходимо изученіе не однихъ физиологическихъ, а также и психическихъ фактовъ; къ сожалѣнію, на послѣдніе теперь мало обращаютъ вниманія. Какъ мы уже замѣтили, обыкновенная тема и предпосылка всѣхъ психологическихъ работъ нашего времени состоитъ въ объясненіи психическихъ явленій изъ дѣятельности нервовъ и мозга. Такое направленіе отрицаетъ психологію въ принципѣ. Будь однажды выяснено и доказано, что всѣ умственные и нравственные явленія не что иное, какъ необходимыя, произвольныя послѣдствія физиологической жизни и дѣятельности, психологія становится невозможною, потому что психическая жизнь окажется простымъ послѣдствіемъ физиологическихъ условій; а если психическія явленія лишь произведеніе, результатъ физиологической дѣятельности, то они, очевидно, не имѣютъ и не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія, и физиологія должна вытѣснить психологію. Такой взглядъ уже не одинъ разъ высказывался и показываетъ, что психологія, несмотря на мно-

жество превосходныхъ критическихъ работъ, находится въ полномъ разложеніи и упадкѣ.

Такъ, современныя воззрѣнія и требованія нравственной личности расходятся и взаимно исключаютъ другъ друга. Мы это мало замѣчаемъ потому только, что не отдаемъ себѣ яснаго отчета какъ противоположны между собою задачи, стремленія, цѣли, начала и предпосылки тѣхъ и другихъ.

Нравственный характеръ, нравственное развитіе лица невозможно, немыслимы безъ свободы воли, т.-е. безъ возможности, по усмотрѣнію и произволу, выбрать тотъ или другой путь, склониться на то или другое дѣйствіе, дать своей дѣятельности то или другое направленіе. Внѣшнія обстоятельства могутъ способствовать или мѣшать исполненію тѣхъ или другихъ нашихъ рѣшеній; отсюда борьба, какъ постоянный законъ нравственной личности. Мы боремся съ окружающею природою, вообще съ обстановкою, съ самими собою, чтобъ достигнуть своихъ цѣлей, исполнить свои намѣренія, задачи, создать въ себѣ и вокругъ себя среду, соответствующую нашимъ желаніямъ и помысламъ. Вотъ почва, на которой вырастаетъ и развивается нравственная личность. Отнимите у нея убѣжденіе въ томъ, что она вольна думать и поступать такъ или иначе, лишите ее убѣренности въ томъ, что есть неизбѣжныя начала и истины, добро и зло, правда и неправда, изъ которыхъ одни должны служить ей руководствомъ и правиломъ, а отъ другихъ она должна воздерживаться и отвращаться, — и нравственный характеръ личности будетъ подрѣзанъ въ самомъ корнѣ. Если нѣтъ непреложныхъ началъ, то слѣдуетъ примѣняться къ обстоятельствамъ, не думая ни о какихъ руководящихъ нравственныхъ принципахъ, плыть по теченію, не обременя себя безполезной, ни къ чему не ведущей борьбой. Если нѣтъ свободной воли, то и подавно нечего думать о борьбѣ. Ее и представить себѣ нельзя, разъ что нѣтъ выбора, и каждое наше дѣйствіе и помысль роковымъ образомъ опредѣляются данными обстоятельствами и условіями.

Еслибъ можно было, хоть на одну минуту, представить себѣ человека безъ убѣжденій и воли, то образцомъ и идеаломъ его должны бы сдѣлаться предметы неорганической природы, чьихъ жизнь и дѣятельность обнаруживается лишь въ непроизвольной и бессознательной реакціи противъ дѣйствія на нихъ окружающаго міра. Всѣ органическія существа, не исключая и растеній, были бы уже сравнительно выше. Но ходячія современныя философскія воззрѣнія возводятъ отсутствіе руководящихъ началъ и свободной воли въ теорію. Они оставляютъ въ